

Сергей Селютин

Табита

В будние дни и субботу Табита просыпается в шесть утра, лишь по воскресеньям позволяя себе – и мужу – поваляться в постели лишний час. Проснувшись, она вглядывается какое-то время в черноту комнаты, дожидаясь окончательной ясности мыслей, потом встает с кровати, раздвигает шторы, набрасывает халат и идет на кухню.

Чашка кофе неизменно предшествует умыванию и чистке зубов, эта бытовая наркомания слегка смешит ее, но несколько не тревожит. Уж лучше кофе, чем спирт, повторяет она себе и другим, вспоминая великое множество пивных банок и бутылок с виски, опустошенных мужем. Сейчас он пьет столько же кофе, сколько и она сама, поэтому, вернувшись из ванной, она ставит на поднос тележки кофейник, сахарницу и большую чашку – все это предназначено для Стивена. Еще одна вещь, которая должна помочь ему прогнать сон, лежит у Табиты в кармане.

Он всегда просыпается к ее приходу. Лежит, закрыв глаза, делая вид, что спит, хотя излишне частое дыхание выдает его с головой. Раньше он даже пытался заговорить с Табитой, стоило лишь ей открыть дверь комнаты, просил, умолял, плакал, но наказание за непослушание было тем сильнее, чем больше слез он проливал, и это научило Стивена переносить боль так, как и следует мужчине – молча.

Табита откидывает край одеяла, открывая прикрытую тканью пижамы ногу мужа. Сдвигает пижаму вверх по голени, чувствует, прижимая электроды к коже, как в ожидании разряда дрожат мышцы Стивена, выжидает – иногда совсем чуть-чуть, а иногда и по нескольким минут – жмет на кнопку. Шокер хорошо откалиброван, и Стивен не теряет сознания, его спина выгибается дугой, зубы постукивают друг о друга, глазные яблоки бегают из стороны в сторону. Десятью секундами спустя Табита отпускает кнопку шокера, чтобы муж мог передохнуть, гладит его по ноге, и снова дает разряд.

Наблюдение за страданиями мужа не приносит Табите никакой радости, и она сочувствует Стивену всей душой. Когда утренняя пытка заканчивается, она бросает шокер на пол, забирается на кровать, всем телом прижимаясь к любимому. Ее движения осторожны, она совсем не хочет потревожить его искаленную ногу, треснувшую грудную клетку или сломанные от удара решетки радиатора ребра. Ладонью с нарочито растопыренными пальцами – их знак особой чувственности – она гладит волосы Стивена, целует в губы, заглядывает в глаза. В зрачках мужа затаился страх, досадный, совершенно нелепый и ненужный. Стивен, похоже, надеялся, что ему простят его проступки, и уж никак не верил в то, исполнителем наказания будет Табита. Каждый раз затравленный взгляд Стивена доставляет ей боль, но Табита старается не обижаться на его упорное непонимание.

– Я принесла тебе кофе, – говорит она, поднимаясь с кровати. Стивен кивает, принимает из ее рук чашку, отпивает глоток. Табита включает свет, достает из стенного шкафа костыли, присаживается в ожидании момента, когда муж допьет кофе, на кровать, помогает Стивену подняться с постели, подает ему костыли, придерживает его, пока он идет в ванную, стоит рядом с ним во время утреннего туалета. Они женаты уже почти тридцать лет и между ними нет никакого ложного стыда, к тому же Стивен рискует потерять равновесие в любой момент. Затем они возвращаются в комнату, он садится в инвалидное кресло, она открывает двери на застекленную веранду и вкатывает туда мужа. Включает лампы дневного света, приносит из комнаты его любимый ноутбук "Эппл Макинтош", садится на стул.

– Послушай меня, Стиви, это очень важно, – теперь Табита – сама серьезность, ей очень нужно, чтобы ее слова достигли цели, – ты потерял уйму времени, отлынивая от работы. Ты писал всякую чушь, травил себя наркотиками, играл в этот дурацкий бейсбол. Чего ты не так и не сделал, скажи мне?

– Не дописал "Темную башню", – говорит он с прикрывающей сомнение привычной заученностью. Табита чувствует его неискренность. Когда же, – думает она, – когда же, наконец, ты начнешь мне верить.

Она вынимает из кармана шокер, и, не дав мужу ни секунды времени, пускает через его тело разряд. Отворачивается, не в силах видеть судороги Стивена. Отпускает кнопку.

– Это не шутка, Стиви, это не игра. Судьба всей Вселенной зависит от того, допишешь ли ты эту книгу. Отнесись к этому серьезно.

Он кивает, даже не пытаясь возражать, зная, с какой легкостью и быстротой карается непослушание. Несколько секунд Табита смотрит на мужа, надеясь увидеть долгожданное раскаянье, затем быстрым движением включает провод ноутбука в розетку и идет в комнату. Ей приходится сделать над собой усилие, чтобы не запустить в стену кофейником, вместо этого она берется за рукоятку тележки и вкатывает ее на веранду.

– Твой кофе, – говорит Табита. – Завтрак будет через полчаса.

Труднее всего Табите приходится с секретаршами. Их у мужа три – прямо-таки как в "Чужаке в чужой стране" – и они никак не привыкнут к тому, что теперь им не позволено общаться со Стивеном напрямую. Стиви очень болен, – заявляет она им раз от раза. – Его нельзя тревожить. Расскажите, что надо, мне, я передам мужу. И хотя они имитируют сочувствие, Табите ясно видны их подозрения и желание прорваться сквозь кордон. Расторопная тройца, художбно приученная к новым порядкам, теперь сидит по кабинетам, разбирает мешки с почтой, сочиняя фальшивые ответы на послания от "Постоянных Читателей" и умело расписываясь мужниной подписью внизу распечаток. Тем не менее, Табите приходится постоянно дежурить возле дверей веранды, словно она – патрульный катер, а секретарши – контрабандисты-бутлегеры, уж

слишком те шустры и упрямы. И пусть она сделала Стивену должное внушение (“У тебя было сотрясение мозга, и, в случае чего, доктора скорее поверят мне, а не страдающему нервным расстройством инвалиду”), ей все равно очень не хочется допускать к нему посторонних. Даже нечастые визиты детей и внуков не слишком радуют Табиту, ведь, общаясь с ними, Стивен может сболтнуть лишнее.

Табита вздыхает и отправляется в чулан. Весь хлам оттуда убран, сейчас это просто маленькая комнатка, у дальней стены которой стоит невысокий журнальный столик. На столике – искореженный, заржавелый огромный револьвер, весом не менее пяти фунтов. Табита оставляет дверь чулана открытой, чтобы иметь возможность слышать, что происходит в доме, опускается на колени, берет в руки револьвер, прижимается к стальному барабану губами. В ее сознании мгновенно рождается видение, объемное, четкое, необычайно детальное. Дорога, Стивен, рев грузовика, мальчик, хватающий Стивена, толкающий его к обочине, удар, синие безжалостные глаза мужчины, необычайно умная собака... Каждый день она переживает заново то, что произошло девятнадцатого июня девяносто девятого года, кляня себя, что не заставила Стивена дописать “Башню” еще в восьмидесятые, позволяла ему ежевечернее доходить до кокаиновой – или алкогольной – кондиции и отвлекаться на что угодно, кроме странствий Роланда. Ежедневно она вспоминает, как пробежала глазами первое предложение “Стрелка”, написанное от руки в толстой тетради, ощущение чего-то давно знакомого и ожидаемого, возникшее по прочтении этого сборника повестушек, неизвестно откуда пришедшее понимание, что именно за этого человека – автора “Темной башни” – ей следует выйти замуж. Теперь, заново ознакомившись с четырьмя вышедшими из печати романами и отрывками рукописи пятого, она задается вопросом, не встречался ли ей кто-то из ка-тета раньше, еще в школьные годы? Не превратил ли ее один из стрелков в ангела-хранителя Стивена Кинга? Хранителя, позорно провалившего порученную задачу?

– Прости меня, Джейк, – шепчет Табита. Слезы оставляют на ее щеках влажные полоски, плечи мелко трясутся.

Дрожащими руками она вынимает из кармана шокер – в машинке осталось всего четверть начального заряда – ударяет колючками электродов о бедро, бьется в электрических судорогах. Роняет шокер, делает глубокий вдох, выдох, встает с колен, идет в ванную. Боль – не ее, а Джейка, – не дает ей покоя, а затаившийся внутри голос подсказывает, что на пути к башне погибнет не только он один.

В три часа дня Табита возвращается на веранду. Ноутбук отложен в сторону, Стивен чертит что-то на листе бумаги, не отвлекаясь даже на шум шагов. Табита садится рядом, дожидается, пока он закончит.

– Карта, – говорит муж, протягивая рисунок Табите, – смотри, как волки добираются до Кальи.

Табита внимательно слушает его объяснения, кивая и уточняя детали. Довольный, Стивен откидывается в кресле.

– Конечно же, этой карты не будет в “Волках”. Но потом, когда Роланд и компания попадут в замок... – он делает паузу.

– И ты знаешь, как они туда дойдут?

Стивен самодовольно смотрит на жену. – Я бы не был Стивеном Кингом, если бы не знал этого, – говорит он с какой-то мальчишеской гордостью. – Мне, правда, неизвестно, что будет потом.

– Много написал за сегодня? – Табите не удается выдержать спокойный тон, перед последним словом она невольно запинаяется и краснеет.

– Шесть тысяч слов.

Табита знает, что это – три дневные нормы и, не дожидаясь приглашения, берет в руки ноутбук.

Пока она читает, Стивен то и дело поглядывает на нее, сразу же отводя взгляд в сторону. Табита изо все сил старается сохранить на лице непроницаемую маску, дочитывает до конца, возвращает ноутбук на стол.

– Никуда не годится, – говорит она, – это все ложь.

Стивен с шумом выдыхает воздух, его ноздри возбужденно подрагивают, лицо багровеет от волнения.

– Почему? – в его голосе слышны разочарование и обида.

– Я чувствую... – Табита пытается найти нужные слова, – мне это представлялось совсем не так. Этот отрывок написан хорошо, но ничего подобного не было. Я точно знаю. Я... помню, что все было по-другому.

Кинг поджигает губы.

– Опять эти твои долбанные видения, – рычит он, – сколько можно? Вот уж не думал, что буду женат на шизофреничке.

Табита привычно лезет в карман халата, следующие несколько секунд заливают чернота. Она приходит в себя уже на полу, Стивен навалился на нее всем телом и пытается задушить. Руки у него по-прежнему сильные, лицо искажено гримасой.

Табите совершенно не страшно. Пальцами правой руки она тычет мужа под ребра, словно вонзает кинжал. Его хватка мгновенно разжимается, из глаз брызжут слезы, Стивен сжимается в позе эмбриона. Табита выбирается из-под него, становится на колени, гладит мужа по голове.

– Прости. Прости, милый. Дай, я погляжу. – Она задирает футболку Стивена, осматривает подреберье. Бок мужа выглядит плохо, но определенно, не хуже, чем было.

– Ничего страшного. На всякий случай, позовем врача. Хорошо?

Кинг кивает. Он уже не плачет, просто лежит, сжавшись в комок.

– Стиви, – Табита чувствует, что теперь рыдает она сама. – Прости меня, Стиви. Я люблю тебя. Правда. Но мои сны... И револьвер...

– Найденный на помойке кусок железа, – выдавливает муж.

– Ничего подобного! – горячо возражает Табита. – Он оказался у меня под кроватью! Стиви, ну почему ты мне не веришь!

Она прижимается к телу мужа, будто побитая собака – к ноге хозяина.

– Я не сумасшедшая. Но я не могу поступать иначе, просто не могу. После всего, что я узнала... Не понимаю, как ты можешь писать о Роланде и не верить в него?

Кинг молчит. Этот разговор повторяется уже даже не в десятый раз – и как боится Табита, будет повторяться еще очень долго.

– Стиви, – внезапно говорит Табита, – помнишь надпись на доске перед магазином Тауэра? Там должно быть твое имя. Точно. – Она умолкает на несколько секунд.

– Да, там точно должно быть твое имя.

Муж хмыкает в ответ.

Доктор приезжает через пятнадцать минут после звонка Табиты, услышав звук тормозов его машины на подъездной дорожке, она прикидывает, стал бы док спешить, если бы они со Стивеном продолжали жить в трейлере, так и не разбогатев для покупки особняка. Этот – стал бы, – решает она, – другие – вряд ли. Не позволяя служанкам опередить себя, Табита сама выходит на крыльцо, жмет доку руку, приглашает в дом.

– Стивен пытался самостоятельно дойти до туалета, но не рассчитал силы и ударился о дверной косяк, – Табита ведет доктора в глубь комнат, на ходу рассказывая придуманную историю, – по-моему, с ним все ОК, но я все равно решила к вам обратиться.

Док одобрительно кивает. – Что-то слишком часто Стив стал ранить себя в последнее время. Он случайно не начал снова пить?

– Я внимательно слежу за ним и стараюсь пропускать к нему как можно меньше людей. Нет, к спиртному он не прикасается. Муж очень увлечен своим новым романом и поэтому ничего вокруг себя не замечает, – по спине Табиты пробегают мурашки, но голос остается спокойным.

Они заходят на веранду. Стивен сидит в кресле и грызет карандаш, его глаза словно обращены вовнутрь, лицо напряжено. Секундой спустя он замечает Табиту и доктора и широко улыбается.

– Привет, док! Вот, решил дать тебе очередной повод повидаться с моей женой.

– Спасибо, Стив. Дай только подлатать тебя малость – сразу же убегу с ней на Кубу.

Доктор осматривает бок Кинга, осторожно и вместе с тем уверенно прикасаясь к его ребрам. – Все в порядке, – говорит он, – я только поменяю повязку. Почему вы не хотите держать в доме медсестру?

Внутри Табиты словно спрятана заведенная пружина, она с ужасом ждет ответа мужа.

– После того, как одна из этих гарпий нежно гладила меня по голове и ворковала надо мной, как раз перед тем как засадить в мое ухо шестидюймовую иголку, я не доверяю всему их племени. Нет, уж лучше пусть за мной присматривает жена. Тем более что я не хочу отвлекаться на посторонние ляжки и полукружия.

– Спасибо, Стиви, – думает Табита, – спасибо, что не предаешь меня.

– Тогда ладно, – доктор сидит с ним еще пятнадцать минут, выписывает рецепт на лекарства, запасы которых истощились, травит пару бак и удаляется. Помахав рукой вслед его машине и закрыв за собой входную дверь, Табита в изнеможении прижимается к стене.

– Пронесло, – шепчет она, – обошлось.

Муж не пускает ее на веранду. – Я думаю, не отвлекай меня, – заявляет он Табите прямо с порога. Она послушно оставляет его и отправляется помогать кухарке готовить ужин.

Стивен зовет ее обратно только в девять вечера. Молча протягивает ноутбук. Табита перечитывает одну из первых сцен романа, ту, в которой тодэш переносит ка-тет в параллельный Нью-Йорк. Муж почти не изменил ее, но надпись на доске возле книжной лавки Келвина Тауэра теперь другая. Среди прочих, вниманию посетителей предлагается “замороженный Стивен Кинг по-мэнски”.

Табита смотрит на Стивена. Не дожидаясь ее слов, он начинает говорить сам.

– Ты читала не меньше меня и знаешь, что помещать себя в свою же книгу – это верх дурного тона. Надо быть по-настоящему уверенным, что пишешь хорошо, чтобы поступить так. Я думал о подобном раньше, еще до “Извлечения троих”, но отбросил эту нелепость.

Кинг умолкает. Поднимает с пола несколько листков бумаги, опираясь телом на поручень кресла. Передает листы Табите.

– Это – новый план трех книг “Башни”. В этом варианте я буду одним из действующих лиц. Я до сих пор не уверен, правильно ли поступаю, делая так, как хочешь ты.

Очередная пауза. Стивен сидит, отвернувшись, и Табита не может видеть его лица. Не оборачиваясь, он говорит ей:

– Все это время я никому не говорил о твоём бзике лишь потому, что боялся, что твои слова – правда. Каждое утро ты дубасишь меня током, каждый раз я решаю рассказать обо всем врачам – будь что будет – и не могу. Не могу и все тут.

Табита сглатывает. Слезинки стекают по ее щекам, но она не вытирает их.

– Знаешь, когда я сегодня переписал сцену у Тауэра, то понял...новый вариант действительно лучше... более реальный... естественный...

Молчание.

– Ладно. Попробую сделать все по-новому. Если не получится, если я пойму, что фальшивлю – пеняй на себя.

Табита кивает. Стивен поворачивается к ней.

– Я проголодался. Скоро ужин?

В ответ Табита обнимает мужа.

– Спасибо тебе, – говорит она, – спасибо.

На часах – полчаса до полуночи. Табита лежит в постели и не может уснуть. Она долго ворочается с боку на бок, пытаясь уцепиться за обрывки снов, потом поднимается с кровати, снимает комбинацию и надевает на голое тело халат. Они слишком давно не были с мужем вместе – последний раз был еще до аварии.

– Сегодня, – думает Табита, – нужно устроить праздник. Пусть у этого дня будет достойный финал.

Она выходит из комнаты, по памяти, не включая свет, идет по коридору к комнате мужа. Очень скоро мир будет состоять только лишь из осторожной ласки, бережной страсти, нежной одержимости. Через несколько минут она скользнет под одеяло мужа, прикоснется к нему, разбудит поцелуем, словно волшебница из сказочного сна. Табита улыбается в темноте.

Она не доходит до его комнаты нескольких ярдов, когда вспоминает, что забыла кое-что сделать. На пути назад Табита делает крюк, чтобы зайти в чулан. Револьвер по-прежнему лежит на столе, Табита поднимает его, баюкает на сгибе локтя как ребенка.

– Мы дойдем, – шепчет она, – еще как дойдем.

Табита кладет револьвер на место и направляется в свою комнату. Зажигает ночник. Шокер лежит на тумбочке рядом с кроватью, его электроды поблескивают в лучах лампы. Табита открывает дверцу тумбочки, вынимает зарядное устройство, включает его в сеть. Кладет шокер в гнездо устройства, убеждается, что батарея начала подзаряжаться. Ночь у Стивена будет насыщенной, и завтра утром он наверняка не захочет вставать вовремя.

– Милый, милый, – мурлычет Табита, – что бы ты без меня делал.

Она выключает ночник и спешит к мужу.